

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2018–2019 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 11 КЛАСС

I. [40 баллов] ПАРОДИЯ и ПРАВДА.

1. [5 баллов] Дайте определение пародии.
2. [15 баллов] Перед вами фрагменты трёх стихотворений. Одно из них представляет пародию на другие. Определите, какой из трёх текстов пародийный. Докажите своё мнение в небольшом рассуждении, анализируя тематику и стилистику текстов.
3. [5 баллов] Предположите пародируемого автора и/или эпоху, в которую сочинены тексты.
4. [15 баллов] Сочините небольшое (4–10 строк) стихотворение о стихах или о любви в стиле эпохи, используя размер прочитанных стихотворений.

А. ...Беспощадна моя дорога,
Она меня к смерти ведёт.
Но люблю я себя, как Бога, –
Любовь мою душу спасёт.

Если я на пути устану,
Начну малодушно роптать,
Если я на себя восстану
И счастья осмелюсь желать, –

Не покинь меня без возврата
В туманные, трудные дни.
Умоляю, слабого брата
Утешь, пожалей, обмани.

Мы с тобою единственно близки,
Мы оба идём на восток.
Небеса злорадны и низки,
Но я верю – дух наш высок.

Б. Я знаю удовольствие смерти,
Но ещё пожить хочу.
Мне новое платье примерьте
С крылышками – и я улечу.
Я дорогой иду непрохожей,
Но знаю, дух мой высок,
Мы с тобой, о Боже, похожи,
За что же ко мне Ты строг!
Я боюсь удовольствий смерти,
Жить, о жить я хочу!
С крылышками мне платье примерьте,
И, дрожа, я отдамся лучу.

В. О, ночному часу не верьте!
Он исполнен злой красоты.
В этот час люди близки к смерти,
Только странно живы цветы.

Тёмны, тёплы тихие стены,
И давно камин без огня...
И я жду от цветов измены, –
Ненавидят цветы меня.

Среди них мне жарко, тревожно,
Аромат их душен и смел, –
Но уйти от них невозможно,
Но нельзя избежать их стрел.

II. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА.

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Вариант 1

Владислав Олегович Отрошенко (род. 1959)

ДУРАК

Прадед Гриша никогда не ложился спать, потому что давно уже не отличал день от ночи и сон от бдения, давно потерял счёт своим годам, а под конец даже имя своё забыл. Иногда он дремал, но только сидя за столом в своём флигельке, и то если случайно забредёт в него, блуждая по двору. Взгромоздится на табурет, положит кулаки на стол, уткнётся в них лбом – и так сидит час-другой. А потом снова идёт во двор, и первым делом к своим пчёлам: что-то там работает, дымарём их окуривает, рамки на свет поднимает.

К ульям он подходил запросто – шляпу с защитной сеткой не надевал: пчёлы его кусали и в шею, и в уши, и в нос, но он укусов не чувствовал. Балуй мне, балуй! Вытащит из улья рамку, облепленную живыми тёмными гроздьями, поднимет её повыше и смотрит на солнце сквозь соты, наполненные лучезарной влагой.

Бывало, что в этот момент я оказывался рядом (мне не всегда удавалось пробраться к ульям сквозь заросли чайных роз, которые угрожающе взрывались янтарными жужжащими осколками), и тогда кормчий взирал на меня удивлённо, долго соображая, что я за живность и откуда я вынырнул – из конуры, из курятника или прямо из летка. А вынырнул я лет пять назад из бездны, на краю которой он стоял.

Он смотрел на меня, едва пробудившегося от утробной дремоты и прозревшего в ускользающей вселенной случайные ориентиры – яркие пятна разноцветных ульев, тучных пчёл в жёлтых бархатных сапожках пыльцы, изящных стрекоз и нежно пугливых ящериц, благоухающие розы, прохладную спальню в доме (что ещё?), тёплую и пахучую мякоть смолы на крышке погребка, кучу песка у ворот – эти ясные и спокойные островки, просвечивающие из темноты непостижимого хаоса, – а я смотрел на него, на свой главный ориентир, на блуждающее божество, медленно погружающееся в пучину небытия; смотрел на его огромную лысую голову, увенчанную по бокам двумя клубками волос, похожих издали на рожки – вблизи в них можно было разглядеть запутавшихся, точно в паутине, пчёл, жучков, муравьёв, стрекоз и других козявок вперемишку с мелкими цветочками, листьями и всяким мусором.

Всё это ещё некоторое время копошилось в его седых волосьях, жило своей жизнью, когда кормчий умер, сидя за столом во флигеле в своей обыкновенной позе, – умер, застигнутый на рассвете случайной дремотой.

Помню, как прабабка Анисья зашла во флигель и тут же выскочила прочь. Помню, через некоторое время она вернулась и, шаркая за спиною прадеда Гриши, поминутно оборачиваясь в его сторону, что-то невнятно, с укоризной выговаривала ему. Наконец она остановилась, быстро-быстро закивала головой, а затем, выдёргивая её при каждом слове вперёд, закричала, закаркала прямо ему в затылок:

– Дурак! Дурак! Умер! Ай, дурак!

Развернувшись, она вышла в сени; долго гремела там вёдрами, хлопала дверями – и вдруг снова заглянула в комнату. Увидев, что прадед Гриша всё так же сидит за столом, уткнувшись лбом в ладонь, она подскочила к нему и ещё решительней повторила:

– Дурак!

С первым утренним ветерком, всколыхнувшим на голове кормчего пряди волос, которые теперь потеряли упругость и развевались как-то вольно, сами по себе, в открытую форточку потянулась процессия пчёл. Они залетали, кружились, образуя над его теменем живой нимб, а затем поочередно садились на потемневшую лысину (балуй мне, балуй!) и, исполнив на ней затейливый танец, вылетали вон – взвивались в небо, где сиротливо белел тонкий месяц.

(2010)

Вариант 2

Павел Григорьевич Антокольский (1896–1978)

К ДИСКУССИИ О РЕАЛИЗМЕ

Разглядите на ветках – чертей своенравных,
Сквозь трёхмерное – четырёхмерные скважины,
Например, на пяти проводах телеграфных
Воробьи, словно нотные знаки, насажены.

Что за музыка именно в эти секунды
Мчится срочная – императрица иль пленница?
Что за ритм у неё – прихотливый иль скудный,
Подчиняется автору иль ерепенится?

Так поэзия не уместается в прозе,
До краев переполнена волнами музыки.
И расселись, как нотные знаки предгрозя,
На её проводах воробьи-карапузики.

Воробы – это присказка, притча, причуда,
Лжесвидетели предгрозового безмолвия.
Дайте срок, реалист, – ещё брызнут оттуда
Сногшибательные, многовольтные молнии!
Дайте срок!.. Вот внезапно оно и разверзлось!
Но отсюда мораль не дерзка, не задириста.
Потому что в поэзии дерзость не в дерзость,
Дважды два не четыре, да и не четыреста.
Мы на счётных костяшках не вычислим точно
Золотого запаса наличного этого:
Он над сорной травой, над трубой водосточной
Поднимается кверху струей фиолетовой.
Но не с целью учёной в статье отвлечённой –
В настоящем огне попытайтесь сгорите-ка!
.....
Шапку в зубы и в дверь! И, вздохнув облегченно,
Со всех ног удирает учёная критика!
(1964–69)

Максимальный балл за все верно выполненные задания – 80.

